

„ВОСПОМИНАНИЯ“

СЕГОДНЯ исполняется 70 лет со дня рождения выдающегося грузинского актера Ушанги Викторовича Чхеидзе.

Недавно на прилавках книжных магазинов нашего города появился русский перевод книги воспоминаний этого замечательного мастера сцены. Редактор книги — Э. Гугушвили, перевод с грузинского Р. Микадзе и А. Карцивадзе, художник

голову не могло прийти назвать меня. Когда Константин Александрович произнес мое имя, все были крайне удивлены его выбором и приписали это прихоти Котэ, сочли очередной причудой большого художника. Константин Александрович настоятельно просил домашних до поры до времени не разглашать его решения. И, действительно, никто о нем не знал в театре. Я тоже узнал об этом от самого Марджанишвили, только несколькими днями раньше.

Это было в конце сезона 1924 — 1925 гг. В тот знаменательный для меня вечер у нас шла пьеса З. Антонова «Затмение солнца в Грузии», в которой я исполнял незначительную роль князя Индо. Во втором акте я и еще один князь,

в ожидании затмения, сидели на втором или третьем плане сцены за столиком, уставленным кувшинами с водой, слегка подкрашенной вином. Второго князя играл уже молодой, степенный актер. Мне надоело, ничего не делая, почти час сидеть на сцене, и я, от скуки, нашел себе довольно глупое развлечение. Набрал полный рот воды с вином, я ждал, пока один из таких же, как я, сорванцов, подведет ко мне кого-нибудь из участников массовой сцены. Тогда я протягивал ему чашу с «вином», и, конечно, тот был вынужден принять «княжеское» угощение. И когда он, почтительно кланяясь, подносил чашу ко рту, я нажимал пальцем щеку и ловко обдавал жертву струей набранной в рот жидкости,

Я сидел почти спиной к публике, а тот, кого я потчевал — лицом к ней. Поэтому он не мог даже отругать меня, ему оставалось ретироваться, хранив любезную мину.

Когда по окончании второго акта ко мне подошел помощник режиссера и сказал, что меня вызывает Марджанишвили, я страшно перепугался. Мне представилось, что Константин Александрович присутствовал на спектакле, заметил мой проделки и собирается задать мне взбучку. Я мгновенно снял грим, переделал и пошел к Котэ. Прикрыв дверь, я робко остановился у порога.

— Я позвал тебя по очень важному и серьезному делу. — Глаза Котэ лукаво блеснули. — Ты будешь играть Гамлета, —

сказал он и выжидательно посмотрел на меня.

Я растерянно уставился на Котэ. Мне трудно было понять, говорит он серьезно или шутит. Тысяча мыслей мгновенно пронеслась в моем сознании.

— Ну, о чем ты думаешь? Что же ты молчишь?

— Вы смеетесь надо мной, шутите, Константин Александрович! — в моем голосе невольно зазвучала обида.

— Ничуть не шучу, я говорю вполне серьезно. — уже строго произнес Котэ.

— Какой же я Гамлет, Константин Александрович?

— Почему?

— Помимо всего прочего, я и внешне не подхожу к роли.

— Об этом уж позволь судить мне! Ты, очевидно, представляешь себе Гамлета с томным взглядом, напудренным лицом, с лентой вокруг головы, да?

Действительно, я видел приблизительно такого Гамлета в исполнении В. Петипа во время его гастролей в Тбилиси. Видимо, Константин Александрович именно его имел в виду.

Я видел всего двух исполнителей Гамлета: В. Петипа и Георгия Давиташвили. С последним я даже играл, не помню Гильденстерна или Розенкранца. О Гамлете — Месхишви-

ли, которого я смотрел в ранней юности, у меня сохранились неясные воспоминания. Беседа с Марджанишвили была непродолжительной. Я ушел от него в каком-то дурмане, мне казалось, что нет на свете человека счастливее меня.

Я не знаю, что происходило на режиссерской коллегии, но один из присутствовавших на ней режиссеров прямо сказал мне: «Я против того, чтобы ты играл Гамлета, и это свое мнение я высказал на заседании коллегии. Не скрою его и от тебя. Я считаю, что тебе еще слишком рано играть такую большую и сложную роль. Придет время, когда ты сможешь ее осилить, а сейчас, повторяю, это преждевременно». Этот человек был не только моим режиссером, но и другом. Я его горячо любил, и он отвечал мне такой же привязанностью. Поэтому его слова заставили меня сильно призадуматься. Я верил в искренность его совета, но роль неудержимо влекла меня. Подумать только, сыграть Гамлета, да еще у такого художника, как Марджанишвили! Может ли актер мечтать о чем-либо большем!..

Я промолчал и постарался отогнать от себя охватившие меня в тот момент сомнения. Соблазн был слишком велик, и я не мог устоять. Конечно, мне

хотелось играть большие роли. Я часто думал об Отелло, но о Гамлете не смел даже и мечтать.

Я чувствовал в себе силы и способности, но ни одна из сыгранных мной ролей не давала мне возможности развернуться, полностью выразить себя, поэтому я постоянно испытывал неудовлетворенность. И вдруг... Гамлет! Это вершина, о которой мечтает всякий актер.

Какую же подготовку я прошел, прежде чем приступить к такой сложной и огромной работе?

В моем активе было всего несколько ответственных ролей, сыгранных в театре имени Руставели. Правда, до этого мне приходилось исполнять немало первостепенных ролей, но они никак не являлись подготовительным этапом для подвига на такую высочайшую из вершин сценического искусства, как роль Гамлета.

Марджанишвили с самого же начала запретил мне читать какую-либо критическую литературу о Гамлете. Константин Александрович хотел уберечь меня от каких бы то ни было влияний, которые могли помешать мне найти свой, новый образ Гамлета, новую трактовку этой роли.

Но должен признаться, что тут я не послушался Котэ и

запом читал о Гамлете все, что удавалось достать. Через несколько дней от такого чтения в моих мыслях уже царил полнейший хаос, в голове все смешалось. Нервы у меня были так взвинчены, что несколько ночей я не смог сомкнуть глаз. К тому же в те дни меня занимала малярка, что еще больше способствовало моему нервному возбуждению.

Театральный сезон уже закончился, я был свободен и все время неотвязно думал о Гамлете. Думал о нем на улице, в ресторане, в постели, днем, ночью...

Надо сказать, что я вообще всегда много думал над ролями, но наряду с этим, вплоть до последних лет, никак не мог преодолеть лени и не любви к систематическому, усидчивому труду, что, безусловно, было моим большим недостатком. За это актер всегда дорого расплачивается на сцене, ему приходится затрачивать массу лишней энергии.

В те дни, чтобы дать себе передышку, я иногда пытался думать о чем-либо постороннем, но перед моими глазами продолжал маячить еще туманный, едва намечающийся образ Гамлета. Он не давал мне ни минуты покоя, он совершенно выбил меня из колеи.

Наконец, была назначена читка пьесы...